

АМАНДА РЕЙНОЛЬДС

АМАНДА РЕЙНОЛЬДС

СЛИШКОМ
БЛИЗКО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Р31

Серия «Психологический триллер»

Amanda Reynolds

CLOSE TO ME

Перевод с английского *Л. Пlostак*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературного агентства
Sophie Hicks Agency Ltd.

Рейнольдс, Аманда.

Р31 Слишком близко : [роман] / Аманда Рейнольдс ;
[пер. с англ. Л. Пlostак]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 320 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-105992-7

Джо Хардинг просыпается в больнице с частичной амнезией после падения с лестницы в собственном доме...

Любимый муж и дети, заботясь о ней и ограждая от любого стресса, стараются не вдаваться в подробности в разговорах о прошлом.

Что же произошло в тот роковой день? Несчастный случай?..

В памяти Джо всплывают обрывочные видения: привлекательный мужчина, к которому она испытывает симпатию, лицо женщины, искаженное страхом... Должно быть, воображение обманывает Джо, или она путает галлюцинации с явью?

Ей приходится по крупицам собирать собственные воспоминания, чтобы воскресить в сознании события прошедшего года... Или стоит смириться с потерей памяти и начать новую жизнь? Ведь правда, которую скрывают от Джо близкие, может оказаться шокирующей...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Amanda Reynolds, 2017

 Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105992-7

Двадцать один день после падения

Я инстинктивно отворачиваюсь от мужа и сползаю к самому краю кровати — только бы оказаться подалее. Сознание словно парит в невесомости между сном и явью. Поежившись, крепче зажмуриваю глаза. Глубокая ночь окутывает холмы черным покрывалом. Ветер продирается сквозь кроны высоких деревьев у подъездной дорожки, дождь барабанит по черепице и стекает по каменным стенам. Наш дом, перестроенный из амбара, возвышается на холме одинокой глыбой. Я буквально вижу, как вода заливает огромные окна и затапливает сад, постепенно просачиваясь в почву.

Муж размеренно сопит рядом, дом наполнен ночными звуками: тиканьем часов на кухне, тихим жужжанием сушилки для белья. Я закутываюсь в одеяло и отдаюсь во власть подсознания, почти физически уходя от реальности. В памяти всплывают картины прошлого, неяркие и обрывочные. Чем настойчивее я глядываюсь, тем бесцветней они становятся, как будто дразнят. И тут неожиданно возникает новый образ, непрошенный, но желанный. Как ни хочу я воскресить прошлое, в глубине души мне страшно узнать правду.

Он хватает меня и с силой припечатывает к стене, навалившись всем телом. Его глаза сверкают не то от

страсти, не то от гнева. Я тянусь руками к его лицу, ищу его взгляд в надежде, что он одумается. Жарко сопя мне в ухо, он перехватывает мою руку, вонзает ногти в запястье, так что на коже проступают капли крови, и снова резко прижимает меня к стене. Точно помню, что я сопротивлялась — впишись ногтями, сжимала его руку, пока он не вскрикнул от боли.

Я открываю глаза. Теплые рассветные лучи рисуют затейливые узоры на потолке. Грудь мужа медленно поднимается и опускается в такт дыханию. Через мгновение он приоткрывает глаза и улыбается мне невинно и беззаботно, как будто прошлого года и не было.

Глава 1

Падение

Гладкие плиты холодят спину. Прожилки цемента, образующие орнамент на полу, шершавые, как пилочка для ногтей. Я могу пошевелить только левой рукой, но ощущаю себя невесомой.

— Джо, ты меня слышишь? — шепчет Роб, влажно дыша мне в ухо и царапая щеку щетиной. — Джо, ответь, ради бога! Как ты себя чувствуешь? Скажи что-нибудь!

Его голос, многократно усиленный эхом, рассеивает тьму и выталкивает меня в реальность. Я хватаю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. В двери стучат, настойчиво требуя открыть, но Роб не реагирует, бесконечно допытываясь, что со мной. Я молчу, не в силах произнести ни слова. Наконец он открывает дверь, впуская в дом ледяной ветер. Я слышу женский голос — спокойный и размеренный — и проваливаюсь в блаженное забытие; меня словно окутывает прохладное одеяло, освобождая из стальных объятий боли.

Сознание возвращается, неотвратимо и настойчиво. Сначала сквозь сомкнутые ресницы проникает свет, следом приходят звуки и наконец изображение. Трудно

сказать, как давно я тут лежу. Я пытаюсь вспомнить, что произошло, беспокойно шаря пальцами по каменным плитам, как будто ищу успокоения в их прохладе.

Я была на лестничной площадке, Роб гнался за мной по пятам...

— Нет!

— Не волнуйтесь, Джо. Вы снова потеряли сознание. Сейчас мы окажем вам помощь, — говорит женщина. От нее исходит резкий вяжущий запах, теплое дыхание щекочет лицо. — Пожалуйста, лежите спокойно.

Я дрожу всем телом на ледяном сквозняке, проникающем во все уголки огромного дома. Пятнадцать лет назад я еще надеялась, что мы сможем укротить стихии и обжить эту пустошь, но ветер оказался сильнее. Суровые вихри выдергивают тонкие побеги из нежной почвы, расшвыривают саженцы, срывают ворота с петель, выхватывают из рук двери машин, ломая ногти и оставляя синяки на голених.

— Джо, ты помнишь, что случилось? — спрашивает Роб. — Ты упала. Оступилась и упала с лестницы. Я шел следом. Я пытался тебя спасти, Джо! Пытался спасти! — настойчиво повторяет он, как будто это воскресит мою память.

В палец впивается иголка, плечо обхватывает манжета тонометра, тело облепляют датчики. Я силюсь приподняться, но Роб велит лежать спокойно и, взяв меня под мышки, сажает к себе на костлявые колени. Я безвольно повисаю в его объятиях, таких тесных, что трудно дышать.

— Джо, можете ответить на несколько вопросов? — говорит спокойный голос.

— Она только очнулась! — кричит Роб, и я вздрагиваю от боли в висках. — Что за срочность?

— Роб, помолчите, дайте Джо ответить, — твердо говорит голос.

Я открываю глаза. В лицо бьет яркий свет, при виде уходящих вверх ступеней кружится голова.

— Он мне мешает, — говорю я. Горячие пальцы Роба гладят мне шею и сжимают плечи. — Попросите его отпустить меня! — Я вырываюсь и вскрикиваю от боли.

— Роб, отодвиньтесь, пожалуйста, и позвольте нам делать свою работу. — Женщина склоняется надо мной, и я стараюсь ответить на ее бесконечные вопросы: где болит, как я себя чувствую. — Джо, вы помните, что делали, прежде чем упали?

Я смотрю на дверь в комнату Фина.

— Переживала. Из-за Фина.

— Фина? — участливо переспрашивает она.

— Это наш сын, — подсказывает Роб, стискивая мою руку.

Запястье пронзает боль. Разжав пальцы, Роб просит прощения, повторяя снова и снова, что он не нарочно. Мне хочется одного — чтобы он убрался подальше.

— Роб, пожалуйста, не мешайте. — Женщина берет меня за второе запястье. — Джо, я сейчас дам вам обезболивающее.

— Уберите его от меня! Пусть он уйдет! — Голова словно наполняется кипятком, который вот-вот прожжет череп. Веки сами собой опускаются; голоса затихают где-то вдали.

Когда я открываю глаза, свет еще ярче прежнего. Меня встряхивает: машина «Скорой» спускается по холму. Провода от каких-то аппаратов, бесконечные вопросы... Роб снова рядом, и от него не спастись: я крепко пристегнута к кровати ремнями. Не знаю, почему он мне так неприятен, но от его прикосновений меня передергивает.

— Сколько лет вашей жене? — спрашивает незнакомка. Наконец удается разглядеть ее лицо — она моложе, чем я думала.

— Пятьдесят пять. — Судя по голосу, Роба душат слезы. Странно, он ведь никогда не плачет.

— Нет, — еле слышно шепчу я. — Еще не исполнилось.

— Что ты говоришь, Джо? — Роб склоняется надо мной.

Отвернувшись, я прикрываю глаза и пытаюсь заснуть, но тут же подсакиваю.

— А дети знают?

— Я им позвоню, когда приедем в больницу.

Не нужно их беспокоить, прошу я. Особенно Фина, у него и так полно забот в первый день учебы.

— В первый день? — изумляется Роб. — Джо, ты о чем?

Отвечать нет сил, и я снова закрываю глаза. Череп, словно гироскоп, реагирует на все ухабы и неровности на дороге. Я представляю, как мозг плавает в жидкости, как плод в матке. Боль не дает провалиться в сон, а язык, несмотря на ясность сознания, не слушается. Почему Роб сказал, что мне пятьдесят пять, он же обычно такой педант? До моего дня рождения еще два месяца.

Машина резко поворачивает за угол, и Роб снова повторяет, что я упала, затем склоняется надо мной и, едва не касаясь губами моего рта, шепчет:

— Джо, все будет хорошо, я обещаю.

— Довольно с меня твоих обещаний, негодяй! — шепчу я.

Глава 2

Один день после падения

— Если ты захочешь меня убить, — спрашиваю я, протягивая к Робу руки в темноте. — Я-то уже все решила: зарезу тебя кухонным ножом. — Я смеюсь и придвигаюсь ближе, глядя его обнаженную грудь.

— А я еще не думал. — Он подносит мою руку к губам и осыпает ладонь поцелуями. Я взвизгиваю от удовольствия, а он прижимает меня к себе. В его объятиях так надежно и тепло...

— Да уж, натерпелись вы страху! — Зычный голос медсестры выдергивает меня из глубокого сна. Она отодвигает шторы, и я невольно моргаю, прикрываясь от дневного света левой ладонью. Правой рукой больно шевелить. Фокусирую взгляд на медсестре. Из тугого узла за затылке выбиваются светлые локоны. Движения порывистые и энергичные, под стать бодрому тону разговора.

— Обход уже начался, так что давайте сядем. — Она вынимает пульт от телевизора из моих слабых пальцев, второй рукой распутывая провода, и нажимает кнопку, поднимающую изголовье кровати.

— Не знаете, муж принес мой телефон? — Я улыбаюсь, но голову пронзает резкая боль между висками, как выстрел навывлет. — Я без него как без рук.

— Ох уж эти дамочки со своими телефонами! — смеется медсестра, расправляя одеяло. — Пока нет, думаю, он в пути. Он так волновался о вас вчера — все твердил, что вы упали, как будто не мог поверить... Бедняга, такое потрясение! — Должно быть, я морщусь, потому что она торопливо спрашивает: — Плохо, да, Джо? Что болит?

— Голова. — Глаза наполняются слезами, и я зажмуриваюсь в надежде унять мучительную пульсацию в висках. Не выходит. — Я ничего не помню. Все только повторяют, что я упала, но сама я ничего не знаю. Может, вы знаете?

Она снова раскрывает бежевую папку.

— Давайте-ка почитаем.

Я опускаю глаза и разглядываю больничную рубашку и предплечья, лежащие поверх одеяла. Из-под тугой повязки, идущей от пальцев до локтя правой руки, расплывается огромный синяк. Два ногтя сломаны под корень, как будто я в отчаянии пыталась уцепиться за что-то твердое.

— Тут написано, в восемнадцать ноль две приехала «Скорая», — будничным тоном сообщает медсестра. — Вы свалились с лестницы, дорогая. Не помните?

Я качаю головой, и виски сжимает новый жестокий спазм.

— Помню, что лежала внизу лестницы, а потом, наверное, потеряла сознание. Не знаете, в котором часу вчера вернулся Роб? — Я начинаю плакать: доброта медсестры располагает к доверию. — И я толком не помню, что было в больнице. Когда муж ушел домой?

— Джо, не мучайте себя. Я попрошу врача дать вам обезболивающее по сильнее. А пока полежите. — Она придвигает стационарный аппарат для измерения дав-

ления ближе к кровати и надевает мне манжету на предплечье. — У вас дети есть?

— Двое. Саша и Фин. Фин только что уехал в университет.

Она улыбается.

— Представляю, как вы гордитесь ими. А дочь тоже будет поступать?

— Она уже закончила учебу, нашла работу и живет отдельно.

Медсестра громко смеется.

— Да ладно! Вы же совсем молодая!

В дверь стучат, и медсестра бросается открывать. Манжета наполняется воздухом — кажется, «липучка» сейчас расстегнется — и плавно сдувается. В палату заходит молодой мужчина с темно-кариими глазами.

— А вы сегодня лучше выглядите, миссис Хардинг, — произносит он с сильным акцентом. Затем интересуется у медсестры моим давлением — судя по всему, вчера вечером оно было нестабильно.

— Отличные новости — давление уже в норме. — Она бросает на меня взгляд, строго приподнимая брови, как будто я наконец взялась за ум.

Я улыбаюсь в ответ и прошу ее посидеть со мной еще немного. Ну вы и выдумщица, смеется она, однако я настаиваю: боюсь оказаться с Робом наедине. Стоит мне подумать о нем, как перед глазами встает его перекошенное лицо там, на лестнице, хотя подробностей я не помню. *Мы ссорились? И поэтому я упала? Пыталась убежать от него?*

— Так-так. — Врач изучает записи в папке и удовлетворенно кивает. — Очень хорошо. А как головная боль, Джо?

— Не проходит, — отвечает за меня медсестра. — Мы даже немного поплакали.

— Тогда я выпишу обезболивающее. Вас тошнит? Голова кружится?

— Вроде нет.

Его темные глаза просвечивают меня, словно рентгеновский луч.

— Вы успешно прошли все наши цветочные тесты*. Если хотите, можете ехать домой. — Я медлю, но он продолжает: — Вот и хорошо. Я выпишу вам обезболивающие. И вам выдадут информационные проспекты, помните, мы о них говорили?

— Я не... — Открывшаяся дверь прерывает меня на полуслове.

— Дорогая, ты выглядишь немного лучше. — Роб появляется на пороге с дорожной сумкой в руках, и посторонившись, пропускает медсестру в коридор. Он ставит сумку на пол и наклоняется меня поцеловать, но я отворачиваюсь. Нахмурившись, он спрашивает, как я себя чувствую.

— Мистер Хардинг. — Врач протягивает небольшую ладонь мужу. — Я мистер Агравал, мы с вами коротко поговорили вчера вечером. Судя по всему, ваша жена идет на поправку. У нее неприятное растяжение сухожилия на правой руке, синяки и ушибы, но больше всего нас беспокоит травма головы. Она сильно ударилась и, как я понимаю, несколько минут провела без сознания.

— Правда? — Я вспоминаю рассерженное лицо Роба, холодный пол в холле... Между этими эпизодами — пустота. Меня везли на «Скорой», потом мы целую вечность ждали рентгена и узи, а потом еще не сразу нашли свободную койку; Роб настаивал на частной

* Имеется в виду тест М. Люшера, позволяющий измерить психофизиологическое состояние человека.

палате, и это привело к новой задержке. Мне до смерти хотелось спать, даже о детях я забыла. Сейчас эта мысль приводит меня в ужас. — Как дела у Саши и Фина? — спрашиваю я, прерывая диалог Роба с врачом.

— Она была без сознания минуту-две, точно не помню. — Роб садится на стул у койки и кладет кулак на голубое вафельное покрывало. — У детей все хорошо. Конечно, оба за тебя волнуются, но в остальном все отлично.

Ничего, скоро увидите, заверяет врач — наверное думает, что дети еще школьники и живут с нами.

— Домой? — Роб встает на ноги. — Прямо сейчас?

Врач сообщает, что в ближайшие сутки-двое меня нельзя оставлять одну, однако в целом я готова к выписке. Роб протестует: по его мнению, мне нужен больничный уход. Врач уверяет, что под присмотром я вполне могу находиться дома. Это невозможно, взвизгивает Роб. Ему нужно подготовиться, у него работа и прочие дела. В последний момент вспомнив о моем присутствии, он добавляет, что все решается, только нужно сделать несколько звонков. Между прочим, мог бы с этого начать! На его фальшивую улыбку противно смотреть, и я отвожу глаза.

— Вот и хорошо. — Врач делает какие-то записи. — Конечно, меня беспокоит потеря памяти. Амнезия часто сопровождает такие травмы, но в данном случае поражает ее масштаб. Я только что напомнил вашей жене о...

— Не поняла. — Я перевожу взгляд с врача на мужа. — О чем это он?

Роб снова опускается на стул у кровати.

— Вчера вечером, после падения, врач со «Скорой» попросила тебя описать самое последнее событие, которое ты помнишь. Знаешь, что ты ответила?